

Эфесский мятеж

Шмалько А. В.

Схід-Захід: Історико-культурологічний збірник.

– Харків: Майдан, 1998. – С. 5-11.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт Східного інституту українознавства імені Ковальських.

Адреса редакції:

Східний інститут українознавства імені Ковальських («Схід/Захід»), ауд. 4–87,
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна,
пл. Свободи, 6,
Харків, 61077,
Україна.

E-mail: siu.kharkiv@gmail.com

Тел.: +38 057 705 26 30;
+38 096 1555 136

Веб-сайт: <http://keui.univer.kharkov.ua>

- © Східний інститут українознавства імені Ковальських
- © Автор статті
- © Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництва
- © Ідея та створення електронного архіву часопису – А. М. Домановський

De profundis

А.В.Шмалько

ЭФЕССКИЙ МЯТЕЖ

В 54—58 гг. н.э. (по традиционной церковной хронологии) Апостол Павел находился в одном из крупнейших городов Малой Азии Эфесе, где христианская пропаганда к этому времени уже успела дать заметные результаты. Пребывание Апостола оказалось весьма плодотворным. Ему удалось обратить в христианство группу последователей Иоанна (Деян., 19, 1—7) и развернуть активную проповедь нового учения прежде всего среди иудеев, живших в городе. После конфликта с руководством местной синагоги центром деятельности Павла стало училище некоего Тиранна (Деян., 19, 9). Особо заметными, как и обычно, оказались исцеления, проводимые Апостолом и его учениками. В результате местные «заклинатели» даже начали подражать Павлу, что, если верить автору «Деяний», привело к самым плачевным последствиям для неудачливых «экстрасенсов» (Деян., 19, 11—17). Своеобразной кульминацией деятельности Апостола стала эффектная акция: сожжение неопитами принадлежавших им магических книг, стоимостью, как не преминул отметить новозаветный автор, в пятьдесят тысяч драхм. (Деян., 19, 19). Таким образом, Эфес быстро начал превращаться в один из центров новой религии. Особо сомневаться в достоверности этих сведений нет оснований, поскольку и в дальнейшем этот бывший оплот язычества выступает, как бастион молодой христианской Церкви.

Однако, именно в эти годы христианам Эфеса пришлось испытать то, что еще предстояло узнать их единоверцам в других городах Средиземноморья, — активное противодействие новой религии со стороны местного населения, как иудеев, так и греков. Если сопротивление ортодоксальных иудеев привело лишь к изгнанию неопитов из синагоги, то защитники традиционного язычества прибегли к более опасному средству — организации антихристианского мятежа. Этот «немалый мятеж против пути Господня», коротко, но ярко описанный в «Деяниях» (Деян., 19, 23—40) представляет немалый интерес. С одной стороны, это одно из первых активных антихристианских выступлений со стороны греческого и эллинизированного населения. С другой стороны, любопытен сам механизм возникнове-

ния, хода и ликвидации мятежа, который позволяет характеризовать общую обстановку, как в Эфесе, так и в греческих городах Малой Азии середины I в. н.э.

Этот отрывок часто вызывал сомнения в достоверности приводимых фактов. Основные аргументы сводились к отсутствию подтверждений из «независимых» источников и к допущенному, якобы, автором преувеличению успехов христианской пропаганды в столь ранний период. Первый аргумент попросту некорректен: что касается второго, то и он не выдерживает критики. В тексте «Деяний» нигде не сказано, что христианства широко распространилось среди основной части горожан. Как показали дальнейшие события, местные жители не знали ни Павла, ни руководителей общины, для городской толпы они оставались обыкновенными иудеями (Деян., 19, 33—34). Автор сообщает о другом: за годы пребывания Павла в Эфесе христианство из учения, которое исповедовали буквально несколько человек, превратилось в явление, заметное тем, кто интересовался религиозными вопросами. Особо обращается внимание на успехи нового учения в полубразованной среде местной «религиозной интеллигенции»: учеников Иоанна, заклинателей, магов. Более того, автор ни разу не указывает прямо, что среди христиан были неиудеи, хотя такой вывод можно тоже сделать. (Деян., 19, 26). Речь идет не о сплошной христианизации Эфесса, а именно о быстрых успехах новой религии, которые встревожили ортодоксов. А этого вполне достаточно в случае, когда община христиан, насчитывала, к примеру, несколько сот человек. По сравнению с несколькими последователями Христа в первый год проповеди Павла это очень много, но в масштабе огромного города — чрезвычайно мало.

Сам же факт мятежа на религиозной почве не вызывает ни малейшего удивления. Города Малой Азии нередко становились ареной подобных выступлений. Достаточно вспомнить красочно описанную Лукианом эпопею лжепророка Александра из Абонутиха, в которой присутствуют все элементы эфесских событий: энергичный пророк и его фанатичные сторонники, сожжение неудобных книг, попытки натравить толпу на христиан. Правда, эти события относятся к более позднему времени, но до Абонутиха христианское учение тоже дошло значительно позднее. Неудивительно, что фанатики из Эфеса опередили своих «коллег» из Понта. В самом Эфесе также зафиксировано крупное народное выступление, организованное коллегией хлебопекарей.¹ Мятежи, вызванные экономическими, религиозными и, реже, политическими факторами были обычным явлением для городов Малой Азии и всего римского Востока.

Следует упомянуть еще одно немаловажное соображение в пользу досто-

верности сведений о событиях в Эфесе. Автору «Деяний» не имело смысла «выдумывать» их, поскольку сам рассказ ничего не прибавляет к характеристике Павла. Он — фигура в этой истории совершенно пассивная, более того, Апостол благоразумно отсиделся в безопасном месте (Деян., 19, 30—31). Не дал мятеж и христианских мучеников — все окончилось мирно и без малейших последствий. Скорее всего, автор просто описал запомнившиеся первым христианам Эфеса события, ставшие грозным напоминанием о действительно кровавых антихристианских погромах близкого будущего.

Мятеж произошел, если следовать традиционной христианской хронологии, в год отъезда апостола из Эфеса, то есть в 58 г. н.э. Эта дата обращает на себя внимание. Уже несколько лет шла римско-парфянская война, фронт которой проходил не так уж далеко от провинции Азия. Естественно, военные нужды требовали больших расходов, что увеличило налоги и повинности малоазийских городов. Вдобавок, война неизбежно обострила все социальные, политические и религиозные противоречия, усилив психологическое напряжение в городе. Возбудимость городской толпы на греческом Востоке хорошо известна, теперь же даже самая незначительная мелочь могла привести к вспышке.

Зачинщиком мятежа стал «некто серебряник, именем Димитрий, делавший серебряные храмы Артемиды и доставлявший художникам немалую прибыль» (Деян., 19, 24). Вероятно, под впечатлением с одной стороны, личных экономических затруднений, с другой — очевидных успехов христианской пропаганды, он собрал своих коллег «и других подобных ремесленников», обратившись к ним с речью. Автор «Деяний» передает ее следующим образом:

«Друзья! Вы знаете, что от этого ремесла зависит благосостояние наше; между тем вы видите и слышите, что не только в Эфесе, но почти во всей Азии этот Павел своими убеждениями совратил немалое число людей, говоря, что деласмые руками человеческими, не суть боги. А это нам угрожает тем, что не только ремесло наше придет в презрение, но и храм великой богини Артемиды ничего не будет значить, и испровергнется величие той, которую почитает вся Азия и вселенная» (Деян., 19, 25—27). Именно из этих слов можно сделать уже упоминавшийся вывод о том, что среди христиан Эфеса были не только иудеи, но и греки — почитатели Артемиды. Естественно, вся речь Димитрия — сплошное преувеличение. Храму Артемиды Эфесской суждено было простоять еще не один век. Однако, подобные опасения действительно существовали. В начале II в. н.э. Плиний Младший пишет Траяну о «почти покинутых» храмах и отсутствии спроса на жертвенных животных в Вифинии, что было следствием христианской пропа-

ганды. (Plin., Ep., X, 96). Некоторый экономический упадок храмов в I в. н.э. и позже вполне вероятен, но и Димитрию и высокообразованному Плинию следовало бы сопоставить этот факт с частыми конфликтами на римско-парфянской границе, немалыми военными расходами и злоупотреблениями наместников в провинциях. Однако, оба они предпочитали винить в этом «врагов», в данном случае представителей учения, которое быстро распространялось в Малой Азии в эту эпоху. Прием, как известно, не новый. Характерна ловкость, с которой Димитрий связал чисто экономические интересы художников и ювелиров с соображениями идеологическим. Серебряных дел мастер предлагал защищать не только «благосостояние наше», но и «величие» Артемиды, что придавало инвективе «благородную» окраску.

Призыв был услышан. Собравшиеся «исполнились ярости и стали кричать, говоря: велика Артемида Ефесская!» И весь город наполнился смятением» (Деян., 19, 28—29). Мятеж начался.

Итак, зачинщиком мятежа стала коллегия ювелиров, защищавшая прежде всего свои профессиональные интересы. Это выглядит весьма достоверно. Источники единодушны в том, что именно городские коллегии в Малой Азии были причиной постоянных смут (Plin., Ep., X, 33—34; 92—93) и весьма активно вмешивались в общественную жизнь городов (Dio, XL, 7, 10). В самом Эфесе уже упоминавшийся мятеж, случившийся несколькими десятилетиями позже, был также организован коллегией хлебопекарей. Неудивительно, что в начале II в. н.э. городские коллегии были временно запрещены, о чем наглядно свидетельствует переписка Плиния Младшего.

Любопытно и другое. Художники и ювелиры предпочли аргументировать свои антихристианские лозунги не личными претензиями к тем, кто, якобы, лишает их заработка, а соображениями более «высокими» — защитой местной святыни. Они не ошиблись. «Весь город наполнился смятением» (Деян., 19, 29). Это наглядно свидетельствует о чрезвычайно напряженной обстановке в Эфесе. Достаточно было одного, весьма неопределенного, призыва к защите Артемиды, чтобы толпа высыпала на улицу. Такая ситуация весьма характерна для малоазийских городов I—II вв. н.э. Достаточно упомянуть того же Лукиана, описавшего бурные эмоции местных жителей при известии о «рождении» Асклепия-Гликона (Alex., 13) и выступление тех же горожан прогив «безбожников и христиан», которых они были готовы побить камнями (Alex., 24, 45). Легкая возбудимость городской толпы, вызванная многими причинами, в том числе нелегким экономическим положением, политическим беспорядком и неуверенностью в завтрашнем дне, служила благоприятной почвой для деятельности пророков, магов, демагогов и просто авантюристов. Превратности таких настроений сразу же

испытали на себе первые проповедники христианства. В малоазийских городах Павел и его спутники то оказывались на грани гибели от рук фанатиков, то еле спасались от обожествления (Деян., 14, 1—18).

Вначале мятеж развивался по сценарию его зачинщиков. Были схвачены спутники Павла Гай и Аристарх. Толпа устремилась к театру, вероятно, традиционному месту проведения народных собраний. Все попытки «асийских начальников» утихомирить толпу были неудачны. Руководство города могло лишь посоветовать Павлу не показываться на людях. Апостол на этот раз предпочел проявить похвальное благоразумие. Правда, автор «Деяний» добавляет, что Павла не пустили его ученики (Деян., 19, 29—31).

Итак, возбужденная толпа, крича о святотатстве, заполнила театр. Однако с этого момента зачинщики мятежа теряют над ним контроль. Возможно, Димитрий и его товарищи просто не ожидали такой бурной реакции народа. Но вероятнее другое: в начавшемся хаосе возбуждение толпы неизбежно подогревалось самыми невероятными слухами. Призыв к защите Артемиды и ее храма заставил предполагать самое ужасное. Но с храмом ничего не произошло, богиню никто не оскорблял, и в этой обстановке возбужденная толпа просто не стала слушать обвинения в адрес христиан в том, что из-за них упал доход ювелиров и художников. Шум стоял больше двух часов. «Одни кричали одно, а другие другое, ибо собрание было беспорядочное, и большая часть собравшихся не знали, зачем собрались.» (Деян., 19, 32).

Характерно, что давние полисные традиции еще чувствовались. Толпа попыталась провести народное собрание, но отсутствие подготовки и реальной причины привело к тому, что собрание вышло больше похожим на свалку. Очевидно, в толпе ходили слухи, что перед Артемидой провинились не малоизвестные основной массе городских низов христиане, а хорошо знакомые иудеи. Такая путаница также весьма характерна для первых десятилетий истории нового учения. Не исключено, что стали звучать призывы к еврейскому погрому. Это заставило вмешаться представителей иудейской общины. Перед народом попытался выступить некий Александр, очевидно, эллинизированный иудей из местных жителей. Вышло еще хуже. «Дав знак рукою, Александр хотел говорить к народу. Когда же узнали, что он Иудей, то закричали все в один голос и около двух часов кричали: велика Артемиды Эфесская!» (Деян., 19, 33—34). Все же до кровопролития дело не дошло. Возможно, возбуждение толпы не достигло предела, но не исключено, что причиной было отсутствие руководителей. По-видимому, Димитрий и его коллеги уже успели испугаться дела рук своих. Они были не прочь расправиться с христианами и поднять свой авторитет как защитников Артемиды (а заодно и спрос на свою продукцию), но стать зачинщиками иудейского

погрому, конечно, не хотели. Вступать конфликт с многочисленной и влиятельной в Малой Азии иудейской диаспорой было бессмысленно и крайне опасно. Итак, зачинщики мятежа уходят в тень и больше не появляются. Тем временем пришли в себя городские власти. Несколько часов, в течение которых в театре проходило бурное собрание, дали возможность обдумать план действий. Расчет оказался несложен: толпа, пребывавшая в нерешительности, рано или поздно начнет уставать, и тогда можно сделать попытку вразумления. Так и случилось. Когда после нескольких часов бесплодных криков люди стали приходить в себя, перед ними выступил городской чиновник, которого автор называет «блостителем порядка» (Деян., 19, 35). Очевидно, это был один из городских стратегов, а еще вероятнее — парафилак или иренарх, которые отвечали в городах Малой Азии за соблюдение спокойствия.² Успокоив собравшихся, «блоститель» произнес речь, переданную автором в следующем виде:

«Мужи Ефесские! Какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета? Если же в этом нет спора, то надобно вам быть спокойными и не поступать опрометчиво. А вы привели этих мужей, которые ни храма Артемидина не обокрали, ни богини вашей не хулили. Если же Димитрий и другие с ним художники имеют жалобу на кого-нибудь, то есть судебные собрания и есть проконсулы: пусть жалуются друг на друга. А если вы ищите чего-нибудь другого, то это будет решено в законном собрании. Ибо мы находимся в опасности — за происшедшее ныне быть обвиненными в возмущении, так как нет такой причины, которую мы могли бы оправдать такое собрание». (Деян., 19, 35—40).

Эта речь чрезвычайно интересна. Прежде всего из нее следует, что народные собрания в Ефесе середины I в. н.э. в принципе допускались. Они могли собираться либо законно, то есть с санкции властей, либо в случае чрезвычайных событий, например святотатства, ограбления храма или оскорбления местной святыни. Во всех остальных случаях подобные собрания не только незаконны, но и могут вызвать санкции со стороны подлинного хозяина Эфеса — Рима.

Судя по всему, на проведение народного собрания требовалось разрешение не городских, а провинциальных властей. В противном случае ничто не мешало упомянутым в тексте «азиатским начальникам» «легализовать» собрание и решить все проблемы на месте. Однако, это было невозможно, и «блоститель» справедливо напомнил, что в опасности находятся все: и народ, и городское руководство, допустившее беспорядки.

Кроме того, даже «законные» собрания не имели права решать вопросы судопроизводства. Это право осталось у специальных «судебных собраний».

Граждане имели право апеллировать и к суду проконсула. Данная картина полностью совпадает с известиями о других малоазийских провинциях, например о Вифинии-Понте (Plin., Ep, X, 56, 58).

Какие-то возможности у «законного» собрания все еще оставались, но, похоже, очень незначительные, о чем «блоститель» вовремя напомнил согражданам.³

Речь имела именно те последствия, на которые рассчитана. Собравшиеся были вполне убеждены «блостителем». Действительно, ничего чрезвычайного не произошло, а угроза римского вмешательства была понятна каждому. К тому же зачинщики — Димитрий и его товарищи — в этой ситуации предпочли отмолчаться, поскольку легко могли вызвать обвинения в незаконном созыве собрания и, более того, провокации. В этом случае гнев толпы мог быть направлен на них самих.

«Блоститель» распустил собрание, чем весь этот эпизод и завершился. На этот раз антихристианское выступление не достигло цели. Павел через некоторое время уехал в Македонию, а христианская община в Эфесе продолжала расти.

Итак, небольшой отрывок из «Деяний» позволяет подтвердить уже имеющиеся сведения о положении городов в Малой Азии I в. н.э. Эфесский мятеж свидетельствовал как о взрывоопасной обстановке в полисах, так и о бесправии малоазийских городов в условиях римского господства, когда даже небольшой конфликт между горожанами и представителями новой религиозной общины не мог быть решен без вмешательства властей провинции. А между тем Эфес относился к числу городов, имевших немалые льготы по сравнению с остальными полисами Малой Азии и всего Востока. В других городах возможности самоуправления были, без сомнения, еще более ограниченными.

Все это делает рассказ об эфесском мятеже не только ценным источником раннехристианской истории, но и важным свидетельством о городской жизни полисов Малой Азии в первом веке от Рождества Христова.

¹ Bulletin de correspondance hellenique, VII, p. 504, № 10.

² Dig., XLVIII, 3, 6; CIG, III, 1021, 3151.

³ О реальных правах народного собрания на примере городов Вифинии подробно сообщает Дион Хризостом (XL, 164; XLIII, 246, XLV, 205).